НЕБЕСНЫЙ ГЛАС

Верю, что было Слово вначале.
А у меня – в конце:
гимны гремели, тосты звучали...
След потерь на лице.
Только потом обнаружила – слышу:
Голос во мне живёт,
мерной капелью капает с крыши,
тает на крыше лёд.
Я постепенно в землю врастаю:
травы – у самых глаз.
И надо мной – пролетающей стаи
шелест – небесный Глас.

ГЕНЫ

Напугана я до рожденья
расстрелом, Гулагом, войной.
И гены былых поражений
когда-то родились со мной.
И гордость явились, и слава,
бессмертье, любовь и почёт,
да только сомнений отрава
в натянутых жилах течёт.

УТЕШЕНИЕ

Ты теперь не веришь ни во что
и себя уже ни в грош не ставишь –
брошенный любовник и товарищ.
Неужели больше ты – никто?

А по мне – тебя красивей нет:
и умён, и горд, и неподкупен,
прост в общении, как свободный люмпен
и большой души интеллигент.

Молодым красоткам – не с руки –
нужен не потрёпанный мужчина,
а – квартира, деньги и машина.
Ну и плюнь, и разотри плевки!

Споришь, причитая и скорбя...
Ты таким мне стал ещё дороже.
Я прошу: «Помилуй его, Боже!»
Я всегда молилась за тебя.

НАЧАЛО

Любила читать
непременно с средины,
всегда забегая вперед.
Гадала
на строчках великой Марины,
писала – лишь чёрт разберёт.
И где-то потом
заглянула в начало –
осмыслить своё житиё.
Там мама рожала
и с болью вкричала
в бессмертие имя моё.

ВИНА

Как перед тобой я виновата!
А всего-то только пара фраз,
в озлобленье брошенных когда-то...
Бес их выдал, а Господь – не спас.
И твержу теперь святое имя –
пожалеть успела и остыть...
Но грехи, прощённые другими,
не могу сама себе простить.

ПЛАТЬЯ

Мама говорила: непоседа,
егоза, хотя б не бейся лбом!
На заборе старом у соседа
я висела в платье голубом.

То, что не совсем сейчас здорова
и не всё спокойно с головой, –
в красном платье на рогах коровы
я болталась куклой неживой.

И ещё не зная, в чём тут дело
(станет муж и пить, и обижать!),
только собиралась в платье белом
к маме я со свадьбы убежать...

В чёрном платье на краю могилы
я стою – печалится родня.
– Мама, мама, что ты говорила?
Мало платьев было у меня...

ДАР

Ну что гадать –
не угадать –
за что да почему.
Как Дар небес,
как благодать
любовь твою приму.
Потух в глазах
победный блеск,
но оживаю вновь.
Последний взлёт.
Последний всплеск.
Последняя любовь.

ЛАЗЕЙКА

Как старые сплетники, шепчут деревья,
сочувственно смотрят дома,
озноб лижет пятки, и, знать, по поверью –
на них наступает зима.
Я больше в твоё возвращенье не верю:
предзимье читалось в глазах.
Закрою все окна, закрою все двери,
чтоб ты не вернулся назад.

Но кто-то ночами пронзительно, тонко
рыдает в остывшей трубе...
И я не закрою печную заслонку,
оставив лазейку тебе.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

А люди не разгадывают снов
необъяснимых, потому – ужасных.
Они давно не повторяют слов
неповторимых, потому – прекрасных.

Как говорил мыслитель Еврипид:
чтоб наказать – лиши людей рассудка.
И мы не помним собственных обид
и забываем собственные шутки.

И думающий спросит: почему?
В стихах Ник. Т-о отыщете ответы.
Все тайны Тайн принадлежат ему –
в бессмертие ушедшему поэту.

ИЗМЕНА

Ох, солона дорога
от твоего порога!
Ты говорил: люблю!
Да, видимо, не любил.

Муж – правота и сила, –
пощады не попросила, –
мне говорил: убью!
Да жалко, что не убил!

СЛЕПОК

Ничем себя не выдала.
Вовек не отрекусь!
Молюсь тебе, как идолу
заморскому, молюсь.
Тончайший слепок
гипсовый
с твоей руки сняла.
На нём рисунок
выступил,
то слепок – от крыла.

ТЕАТР ТЕНЕЙ

Театр теней.
Театр неясных лиц,
знакомых жестов,
музыки печальной.
Руководит
незримый Сценарист,
владея Тайной
вечной и фатальной.
А мы живём всерьёз,
не славы для.
На облака
отбрасываем тени.
Театр теней.
Подмостками – Земля.
Мы здесь всего
на несколько мгновений.

РОГАТЫЙ ИАН

Кузнечики стрекочут, и стрекозы
так призрачны, прозрачны и легки!
Съедают стрёк задумчивые козы
на ласковом пригорке у реки.

Следы... В следах – игривая водица...
Упьёшься, и – козлёночек навек.
Следы, следы – козлиные копытца.
Рогатый Пан – и бог, и человек.

Вино и пляски – накануне краха
сатиры, нимфы завлекут сюда…
Беги! – тиски панического страха
сожмут и не отпустят никогда!

Не плачь, свирель,
не надрывайся, флейта,
не голоси, рожок у пастушка!
Течёт река. Ты из неё напейся,
и смоет страх смиренная река.

ДОБРО И ЗЛО

Добро и Зло порой соединимы…
Взирая на творенья рук своих,
не замечаем истинной причины,
что изначально породила их.
Не обольщайся! Ты не лучше прочих.
Не обижайся! Этот мир таков.
И если наказание пророчат,
не отрекайся от своих грехов.
А черпай мудрость в праведных деяньях
и обдирай бока о пьедестал!
Оплатой за полученные знанья –
мир-человек, – ты им однажды стал.
Доверься жизни! На себя надейся!
Живым – живое, осознаешь ты.
Всё терпит Бог – и святость, и злодейство,
но только не выносит – пустоты.

НЕПОМНЯЩИЕ СЕРДЦА

Когда на Вечный пир
нас призовёт Господь,
предложит за столом
вкусить питьё и яства,
то будем мы сидеть,
не ощущая плоть,
не помня ни о чём,
безлики и прекрасны.
И в неге, и в любви
мы будем пребывать,
бестрепетной, святой,
с претензией на чудо.
А на пустом столе
останется стоять
непомнящих сердец
нетронутое блюдо…

МЁД ПОЭЗИИ

Прости – прощай…
Не вспомню ни о чём,
не закричу, не взвою, не заплачу,
не возропщу: могло бы быть иначе,
когда бы ты в душе моей прочёл
всё то, что я доверила бумаге!
Но ты – герой, исполненный отваги,
крушил сопротивленье диких пчёл.
И вот он – мёд Поэзии течёт
всё по усам… Что – сладко?
Видеть горько,
что он тебя не радует нисколько
и в алчный рот никак не попадёт.

БУМАЖНЫЙ САМОЛЁТ

Выдумаю острое начало,
расчудесный сочиню конец…
И, глядишь, – немного полегчало.
Я – писатель, посему – творец.

Зашифрую чувства между строчек…
Тот, кто разумеет, – разберёт,
Вырвав перечёркнутый листочек,
сделаю бумажный самолёт.

Пусть летит-летит до адресата,
покружится над его столом
и застрянет весточкой крылатой
между пальцев девушки с веслом!

ЗАБЛУЖДЕНИЕ

И думалось тебе: ты защищён
от всех житейских встрясок и волнений.
В любовных играх ты почти что гений:
ещё не согрешил, уже – прощён.

Боготворить и ненавидеть мог…
Сам создавать и сам крушить творенья…
Как часто, в предвкушенье озаренья,
тебе казалось: ты почти что Бог!

Ты сожалел – не в тот родился век.
Не мучаясь, бросал детей и женщин.
Но с каждым разом становился меньше…
И получился недочеловек.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Всю-то жизнь суетилась напрасно…
Оказалась стезя многотрудной.
Не заметила, как из Прекрасной
стала я Василисой Премудрой.

Много ведаю, всё разумею.
Только знанье не очень приятно.
Что мне мудрость, коль я не сумею
превратиться в принцессу обратно?!

И терзают мне душу сомнения,
да ответ не открылся пока.
Кем могла быть в былом воплощении
безобразная Баба-яга?

НАЧАЛО ВРЕМЁН

Всегда мне хотелось вернуться туда,
где первой купелью струится вода,
где зычный, внушительный окрик:
Не сметь!
где боль и разлука похожи на смерть,
где в рамочках – фото, как лики святых,
где звёзды мерцают в глазах молодых, –
в начало времён, где неспешны года…
Хватило бы сил не вернуться туда!